

Максимов Владимир Владимирович

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРРАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИТЕРАТУРНОЙ СУБТРАДИЦИИ

В статье предлагается модель нарративного пространства литературной субтрадиции, созданная на основе типологического подхода. Рассматриваются такие факторы художественного смыслопорождения, как сюжетный (событийный) и композиционный (идеологический). Особое внимание уделяется последнему, который в своих предельных тенденциях конституирует четыре типобразующие позиции героя/персонажа: "критик", "метафизик", "парадоксалист" и "одержимый". Данная модель может применяться как способ аналитического уточнения места отдельных произведений и персональных художественных систем в составе определенной литературной субтрадиции (например, "военной", "деревенской", "городской", "иронической" прозы).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 119-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

STORY "RAINY DAWN" BY K. G. PAUSTOVSKII IN ASPECTS OF THEMATIC ANALYSIS

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The author considers the methodological and methodical capabilities of thematic approach to the literary work, presents the analysis of short narrative thematic originality (K. G. Paustovskii, "Rainy Dawn") on the levels of artistic space, time, action and symbolic figurativeness organization, and mentions the broad intertextual background on which the author directs his attention (the Russian realist novel of the XIXth century, the post-realist poetics of Chekhov's prose and A. Blok's poetry).

Key words and phrases: thematic analysis; epic genres; story; time; space; action; hero; symbolic figurativeness.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье предлагается модель нарративного пространства литературной субтрадиции, созданная на основе типологического подхода. Рассматриваются такие факторы художественного смыслопорождения, как сюжетный (событийный) и композиционный (идеологический). Особое внимание уделяется последнему, который в своих предельных тенденциях конституирует четыре типобразующие позиции героя/персонажа: «критик», «метафизик», «парадоксалист» и «одержимый». Данная модель может применяться как способ аналитического уточнения места отдельных произведений и персональных художественных систем в составе определенной литературной субтрадиции (например, «военной», «деревенской», «городской», «иронической» прозы).

Ключевые слова и фразы: литературная субтрадиция; нарративное пространство; событие; идея; сюжет; композиция; герой; персонаж.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
v_v_maksimov@rambler.ru

**ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРРАТИВНОГО
ПРОСТРАНСТВА ЛИТЕРАТУРНОЙ СУБТРАДИЦИИ[©]**

Вопрос о способах исследования отдельных литературных субтрадиций относится к разряду актуальных методологических проблем современной теории литературы. В рамках последнего тридцатилетия эта проблема рассматривается на основе типологического подхода, который существенно отличается от методов описательного классифицирования [10]. Последние стремятся даже разнородные явления и факты увидеть в одной плоскости (стратегия выравнивающей интеграции), в то время как типологический подход даже одноуровневые явления и процессы распределяет по расходящимся рамкам системной рефлексии (стратегия проблематизирующей дезинтеграции). Следовательно, типологический анализ предполагает в качестве методологического минимума учет двух принципиально несовпадающих факторов, взятых по отношению к произведению как основной целостной единице эстетической деятельности и историко-литературного процесса.

Что может выступать в качестве таких аспектов? По мнению ряда авторитетных теоретиков литературы [3; 6; 11; 12; 13; 15], в качестве таких определяющих факторов художественного смыслообразования могут выступать:

- 1) событийность, которая обнаруживается в способах моделирования событийного ряда произведения и определяет его фабулу и сюжет;
- 2) идеологичность, которая выявляется в способах конструирования мировоззренческих точек зрения и позиций, влияющих на композицию и архитектонику текста.

Исследователи, сходящиеся в данном методологическом минимуме, различаются только в акцентах: что важнее – события или идеи?

Так, Н. Д. Тамарченко [12] и В. И. Тюпа [13] полагают, что в качестве исходного выступает событийность; в то время как для В. Шмида [15] определяющим является способ построения нарративной перспективы произведения, включающий в себя и идеологические способы оформления и интерпретации событий.

Существует и своеобразная компромиссная позиция, представленная, в частности, в исследованиях С. Н. Бройтмана [3] и И. П. Смирнова [11], в рамках которых речь идет о своеобразной целостно-сращенной единице, построенной на объединении события и идеи.

Учитывая данный контекст теоретико-литературных представлений, будем под нарративным пространством понимать в самом общем виде способ соотношения событийного и идеологического, причем первое в конструируемой типологии определяет горизонтальный уровень (событийный ряд), а второе – вертикальный (градацию идеологических точек зрения и позиций).

Следующий шаг типологического конструирования предполагает характеристику двух тенденций по отношению к обоим факторам, которые проявляются по отношению к горизонтали как расширение и сужение событийности, а по отношению к вертикальному сечению типологии как локальная точка зрения и глобальная позиция в области идеологических решений произведения.

В результате типологическая конструкция включает в свой состав четыре отдельных сектора смыслообразования, о которых речь пойдет чуть ниже. Сейчас же представляется необходимым вернуться к используемым в статье рабочим терминам и прояснить их, используя конкретный историко-литературный материал. Действительно, что такое «расширенная» и «суженная» событийность, с одной стороны, и «локальная» и «глобальная» идеологичность – с другой?

В контексте современного литературоведения событие понимается как изменение и переход [6; 12; 13; 15], в центре которого находится человек, в эстетическом дискурсе – это образ человека и образ изменения [3]. Сама событийность, выстраиваясь вокруг образа человека, существенно зависит от статуса последнего. Дело в том, что человек может осуществлять действие и поступок, а может приспосабливаться к сложившемуся положению и ситуации.

Это разграничение двух функций (актантная и пассивная) позволяет в первом случае говорить о персонаже, который по ходу формирования поэтической реальности как бы дорастает до **героя** [14], а во втором случае – остается в **статусе персонажа**, который способен оживать, попадая в кругозор активного героя [12]. Фигуре активно действующего героя соответствует, по нашему мнению, расширенный тип событийности, сюжетная жизнь персонажа исчерпывается типом суженной событийности.

Многообразие событийных рядов и фабульно-сюжетных схем [7] определяется, в свою очередь, тем обстоятельством, что как активность, так и пассивность литературного героя/персонажа могут быть опредмечены в самых различных видах (например, актантные формы героя предполагают следующие версии – авантюризма, органического становления-роста, воспитания чувств, интенсивного духовного саморазвития [2]).

В отличие от событийного, идеологический фактор обладает безграничными возможностями тематизации идей [9]. Позиция героя-идеолога, оценочно осознанная уже русской литературной критикой и впервые получившая теоретическое осмысление в работах раннего Бахтина [1], предполагает у исследователя наличие широкой эрудиции, уверенной ориентации в литературном контексте эпохи, аналитической непредвзятости и способности реконструировать системный фон культурно-идеологического (дискурсивного) творчества (актуальный круг религиозных, моральных, научных, политических, эстетических и пр. идей).

На первый взгляд, в таком обширном контексте не представляется возможным увидеть некие хотя бы условные рубежи и метки, позволяющие все поле свести к ряду наиболее емких позиций. И тем не менее они обнаруживаются. Мы склонны выделять по отношению к предельным рамкам идеологического в составе нарратива четыре основные типобразующие тенденции и фигуры.

Две из них находятся в максимально-верхней точке идеологического самосознания. По мнению авторитетных философов и теоретиков культуры, они соответствуют в большей степени позиции «критика» и устремлены от верхней границы культурно-идеологического творчества в область «закультурного» [9] или «засмертного взгляда» [4] человека. По другую сторону этой верхней границы дискурсивно-идеологической деятельности, то есть по направлению к сохранению внутренней территории культуры, располагается позиция, которую определяют либо как «экологическую» [5], либо как «метафизическую» [8].

Нижняя граница возможных репрезентаций идеологических точек зрения в нарративном пространстве тоже раздваивается на две тенденции и фигуры в соответствии с тем, принадлежит ли еще позиция к внутреннему контуру данной разграниченности или устремляется в пустоту докультурного состояния. Наиболее интенсивно эти формы присутствия «я» в идеологически-редуцированном начинают осваиваться на рубеже XIX–XX вв. (Джойс, Кафка, Пруст, русский авангард) и поддерживаются параллельными открытиями в областях феноменологии, психоанализа, далее – экзистенциализма, структурной антропологии и сопоставительной этнографии.

Все это конституирует новую область так называемого опыта-предела, в рамках которого идеологическое существует в «превращенных формах» [Там же], с одной стороны, и крайне редуцированных вариантах – с другой, ограничивающих человека и образ героя только чувственным (чаще аффектированным) контекстом самоощущения. В таком случае наиболее рельефной позицией, располагающейся на этой границе нижнего предела идеологической области, но еще обращенной внутрь культурного творчества, оказывается позиция парадоксалиста, которой Достоевский придал статус образного архетипа. Наконец, последняя возможность соскальзывания персонажа с типологической оси идеологического наблюдается в образе чистой экзистенции, феноменальности, когда человек, по существу, перестает восприниматься как единственный носитель чувственного и интеллектуального опыта (и попадает в ряд органических феноменов и таких состояний, как адаптация, мимикрия, фрустрация, распад).

Таким образом, нарративное пространство литературной субтрадиции конституируется благодаря нескольким типобразующим точкам. Для событийного ряда – это соотношение позиций героя действия и персонажа претерпевания, а следовательно, расширенный или суженный тип событийности. Для идеологического аспекта – это соотношение «критического/метафизического» и «парадоксального/«одержимого» [1]. Перемножая выделенные порядки и позиции, в самом нарративном пространстве обнаруживаются четыре основных сектора:

- 1) расширенная событийность + глобальная идеологичность;
- 2) расширенная событийность + локальная идеологичность;
- 3) суженная событийность + глобальная идеологичность;
- 4) суженная событийность + локальная идеологичность.

Данная модель может быть использована в качестве основания для типологического анализа различных литературных субтрадиций, то есть позволяет системно охарактеризовать место тех или иных литературных произведений и персональных художественных систем в составе определенных повествовательных субтрадиций.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
3. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: в 2 т. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 573 с.
5. Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: в 3 т. СПб.: Изд-во «АРС», 2006. Т. 2. С. 309-325.
6. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 49-90.
7. Максимов В. В. Спектр жанровых тенденций военной повести второй половины XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2. С. 136-138.
8. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 82 с.
9. Пятигорский А. М. Что такое политическая философия. М.: Европа, 2007. 152 с.
10. Розин В. М. Типы и дискурсы научного мышления. М.: УРСС, 2004. 248 с.
11. Смирнов И. П. Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2008. 264 с.
12. Тмарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: Изд-во ТверГУ, 2001. 72 с.
13. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: Изд-во ТверГУ, 2001. 58 с.
14. Федоров В. В. О природе поэтической реальности: монография. М.: Советский писатель, 1984. 184 с.
15. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

TYPOLGICAL CHARACTERISTIC OF LITERARY SUBTRADITION NARRATIVE SPACE

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The author suggests the model of literary subtradition narrative space created on the basis of typological approach, considers such factors of artistic sense-creation as plot (eventful) and compositional (ideological), pays particular attention to the latter, which in its extreme tendencies constitutes four type-formative positions of the hero/character: "critic", "metaphysician", "paradoxicalist" and "obsessed", and comes to the conclusion that this model can be used as the method of analytical more precise definition for the place of certain works and personal art systems within particular literary subtradition (for example, "military", "rural", "urban", "ironic" prose).

Key words and phrases: literary subtradition; narrative space; event; idea; plot; composition; hero; character.

УДК 821. 161. 1

Филологические науки

В статье анализируется творчество Ф. А. Желтова, малоизвестного для широкого круга читателей нижегородского писателя конца XIX – начала XX века. В своё время были известны его рассказы: «На Волге, или Злом горю не поможешь», «Трясина», «Кость и золото», «Звонарь», «Сорвался» и другие. В настоящее время творчество Ф. А. Желтова забыто. Только в 1999 году была опубликована переписка Ф. А. Желтова с Л. Н. Толстым. Ф. А. Желтов создавал произведения о жизни крестьян, о крестьянском быте, а также произведения религиозно-философского содержания. Творчество Ф. А. Желтова представляет значительный интерес для современного читателя, так как оно дополняет огромный пласт русской литературы, а именно – пласт «крестьянской литературы».

Ключевые слова и фразы: повесть; рассказ; заметка; произведение; письмо.

Маринин Алексей Владимирович

Нижегородский государственный университет им. Лобачевского, Арзамасский филиал
alex.ivanove@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. А. ЖЕЛТОВА®

Произведение «На Волге» (1889) – одно из лучших произведений Ф. А. Желтова. О нём говорит в одном из писем Л. Н. Толстой: «Повесть вашу получил. По духу и содержанию она очень хороша...» [13, с. 35]. Лев Николаевич высказывает и критические замечания, которые впоследствии Ф. А. Желтов воспроизводит по памяти: «Почему не излагается событиями и переживаниями то, что мать передает сыну в своем пересказе